

Мелина Боярова

**Хозяйка
Ольбранского
замка**

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Б86

Редактура: Наталья Ананьева
Обложка: Софья Хаимович

Боярова М.

Б86 Хозяйка Ольбранского замка / Мелина Боярова. – М.: Литнет, 2026. – 286 с.

ISBN 978-5-521-93880-3

У попаданок жизнь – не сахар. В этом я лично убедилась, погибнув в родном мире и угодив в тело тридцатилетней аристократки. Древний магический род, яркая внешность – казалось бы, живи и радуйся! Как бы не так! Вместо титула мне досталось клеймо предательницы, от выгоревшего дара – жалкий пшик, а в наследство получила разрушенный замок в волчьем крае и убыточную фабрику. Но жаловаться на судьбу – не в моих правилах! Производство запущу, замок отстрою и с волками как-нибудь разберусь. Особенно с одним бирюком, которому моя деятельная персона, как кость в горле.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-93880-3

© Литнет, 2026

© Боярова М., 2026

Глава 1

В себя я приходила тяжело, проваливаясь в небытие и выныривая проблесками сознания в реальность. Мысли ворочались в голове с трудом, а воспоминания тягучей патокой смешивались со странными сновидениями. Сны накатывали яркими образами волшебных сказок, которые так любила читать в детстве, и перемежались с сюжетами фантастических фильмов.

Разве могло такое быть, чтобы в ладонях танцевало пламя, не обжигая? С моим талантом влипнуть в неприятности только огня в руках не хватало! Непременно что-нибудь спалю или ошпарюсь так, что волдыри неделю сходить будут. Даже в колледже, на выпускном экзамене, куратор сама духовку зажигала и следила за временем, пока коржи для лимонного торта пеклись.

А вот на фабрике, куда я устроилась на практику, об этой моей особенности не подозревали. И результат не замедлил себя ожидать – угодила в больницу! В который уже раз! Только потолки в палате странные. И медперсонал тоже, но ухаживают исправно: судно выносят, обтирают влажными тряпками, комнату проветривают и взбивают постель. А по вечерам одна сердобольная бабулька вслух читает. Правда, смысла ее историй не понимаю, слышу только голос, убаюкивающий и приятный.

Эх, видно, сильно на этот раз досталось! – припомнила, как в камере-смесителе для производства карамели что-то бабахнуло. – Ойкнуть не успела, как с аппарата сорвало крышку и кипящее содержимое выплеснулось наружу. Последняя мысль – что сейчас меня по уши зальет патокой, и я засахарюсь, как конфетка. Каким только чудом выжила?

Я попробовала пошевелить пальцами на ногах – вроде слушались. Кожа не горела – тоже плюс, но усталость накатывала от малейшего усилия. Вновь провалилась в пустоту, а когда очнулась, в поме-

щении было темно. Испугалась сначала, что зрение пострадало, но потом различила знакомый, уже беленый потолок с деревянной балкой и железным крюком. К нему крепились ремни, с помощью которых медсестры меня приподнимали и ворочали с боку на бок.

Назойливая муха кружила надо мной и норовила сесть на лицо. Щекотно! Я поморщилась, чтобы ее согнать. Из-за мелкой жужжалки так засвербел кончик носа, что я чихнула и машинально потянулась его почесать. Однако рука плетью упала с кровати и сшибла книжку, которую бабулька читала вечером. Томик, лежащий на краю, соскользнул на пол с глухим стуком.

Встрепенувшись спросонья, сиделка с кряхтением полезла его доставать и наткнулась на мою свисающую ладонь. В испуге посмотрела на меня и, встретившись взглядом, охнула.

– Очнулась, дочка? Неужели Господь услышал мои молитвы! Радость-то какая! – Схватив мою безвольную ладонь, женщина припала к ней губами и расплакалась, обращаясь ласково, как только мама называла, с ударением на первую букву. – Ярушка, ты ли это? Как себя чувствуешь? Что помнишь? Я уж и не чаяла до этой минуты дожить! Злопыхатели – ироды окаянные, все твердили, что ты оставила этот мир. А как оставила, коль сердце бьется? Если тело, как и положено, функционирует? Уж как я им говорила, что вернется наша звездочка ясная. А мне не верил никто! Лекари руками разводили. Тебя ведь даже маг Жизни осматривала и признала, что шансов нет. А ты возьми и выживи! То-то люди удивятся, когда моя княгинюшка в свет выйдет.

– Маг? – зацепилась я за странное слово, которое не ожидала услышать от бабульки. – Княгинюшка? Женщина, вы кто? – просипела не своим голосом.

– Матрена я, – опешив, ответила незнакомка. – Ярушка, неужели не признала? А имя свое хоть помнишь?

– Ярой, то есть Ярославой меня зовут. Это я помню и несчастный случай на фабрике тоже. Кто-то еще пострадал? Что случилось,

причины уже выяснили? А маме сообщили? Волнуется, наверное, за меня. Сколько дней я в больнице? – засыпала Матрену вопросами, вырывающимися из горла сухим клекотом. – Можете позвать дежурного врача?

– Ох, бедная девочка! – бабулька расстроилась. – Не знаю даже, с чего начать, чтобы ты с горя снова в беспамятство не отправилась. Столько всего за эти годы случилось, что и не перескажешь сразу. Матушки твоей уже седьмой год, как нет с нами. Не дождалась кровиночку! А батюшка жив-здоров, слава Богу! За границей проживать изволит, у пруссаков. Брат старший, Аркадий Елизарович, за дела общие с темниками в Сибирь сослан, там и живет с семьей. Велиславу замуж выдали за барона Пшеронского, так она с тех пор в столице не появлялась и даже весточки не прислала, о здоровье твоём не справилась. Разве так можно? Пшеронский знамо верность империи доказал верной службой. Чай, не будет ему урону, если жена сестру больную навестит.

Известие о смерти мамы тугим спазмом сдавило грудную клетку. Однако по мере того, как Матрена перечисляла неизвестных родственников и сыпала фактами, от которых дергался глаз, у меня закрадывались сомнения, что женщина не в себе.

Пруссаки? Князья и бароны? Сослан в Сибирь? – полный бред для человека двадцать первого века.

– А мы где находимся? Год какой? – уточнила, чувствуя себя глупо.

– Так, в Суздале же, родовом имении Шумских! Его светлость Данияр Константинович приютил по доброй памяти, содержанием и должным уходом обеспечил. Ты, поди, и не узнаешь его при встрече, вырос за тринадцать лет, возмужал. Настоящий глава рода – наша гордость и опора!

– К-какие тринадцать лет? Какое имение? Почему Суздаль? – изумленно вытаращилась, стараясь отогнать от себя странные мысли, лезущие в голову.

Ведь, если на секундочку предположить, что она говорит правду, то я – это не я вовсе. Ну, бред же!

– Ох, Ярушка, так ведь еще твой дед, да пребудут с ним светлые силы и упокоят мятежную душу, Данияра наследником назначил. Не переживай, я обо всем тебе расскажу. Лучше ответить, как себя чувствуешь? Не желаешь ли чего? Может, целителя вызвать? Ночь на дворе, но, думаю, ради такого случая не осерчает, если его потревожим.

– Я в порядке, слабость только в теле и пить хочется, – пожаловалась, сглотнув вязкую слюну. – Не нужно никого будить, утром сообщите, кому следует.

– Бедненькая моя! – бабулька подскочила с места, метнулась к столу, засутилась, гремя посудой. – На вот, испей отвару травяного. Он силы придает и успокаивает.

Сиделка помогла попить, сама я даже голову от подушки оторвать не сумела. Когда Матрена чуть приподняла меня над кроватью, и я увидела часть комнаты, то обомлела. Никакая это не больница! Стены оббиты шелком, арочное окно с витражами, тяжелые парчовые портьеры, мебель с патиной. И ни следа цивилизации, вроде электрических розеток или труб отопления. А еще я увидела собственное тело, накрытое покрывалом, исхудавшее и длинноногое.

– Можно мне зеркало? – только чудом не подавилась, приметив лишние сантиметры там, где их не было.

– Давай, я завтра принесу? – замялась Матрена. Вероятно, выглядела я неважно. – Утром мы с Лукерьей тебя обмоем в ванной, причешем, платье достанем любимое. Тогда и посмотришься. Сама понимаешь, столько лет в беспамятстве никого краше не сделают.

– Дело не в красоте! Я бы хотела взглянуть на себя. Матрена, пожалуйста! Очень прошу!

– Ну, коли просишь, так и быть, принесу. Обожди маленько! – эмоции бабулька не контролировала – все на лице отражались. Моя просьба ее удивила, хотя она старалась не подавать виду.

Отлучившись на пару минут, за которые я тщетно пыталась собрать мысли в кучу, Матрена вернулась с зеркальцем в резной оправе и на длинной деревянной ручке. Такими в наше время никто не пользовался. Однако выбирать не приходилось. Сиделка помогла приподняться, подложив под плечи и голову подушки, и поднесла посеребренную поверхность к моему лицу. Я прикипела взглядом к незнакомке, жадно изучая ее черты.

Поразила неестественная бледная кожа и впалые щеки, россыпь рыжих веснушек на переносице. Вздернутый острый носик и пухлые губы, длинные шелковистые ресницы, обрамляющие светлоглязые, с зеленцой, глаза. Волосы темно-рыжие или даже каштановые, понятнее станет, когда их вымою и просушу. Возраст сложно определить. Семнадцать, мои двадцать два или все тридцать? Морщинок нет, но внешний вид портят синюшные круги под глазами. Над верхней губой с левой стороны темнеет крошечная родинка. Я приоткрыла рот, убеждаясь, что зубки ровные и белоснежные. Правда, почистить их не помешало бы, но с этим позже разберусь.

В целом, внешность не разочаровала. Подкраситься, сменить прическу, приодеть – и получится красotka. Вот только один минус сводил все впечатления на нет: это не мое лицо! Попросила Матрену приподнять покрывало и окончательно впала в уныние. Факты говорили сами за себя и вывод напрашивался фантастический: я попала в чужое тело! Выходит, я все же умерла?

Принять правду оказалось непросто. Я не понимала, что делать и как дальше быть. Спать не хотелось – это тело на годы вперед выпалось, поэтому попросила Матрену рассказать все, что она обо мне знала.

– А ты, что же, Ярушка, совсем ничего не помнишь? – ужаснулась сердобольная женщина.

Разговор с сиделкой затянулся до рассвета. Она поведала удивительные вещи о стране под названием Российская империя, магических кланах, составляющих цвет дворянского общества, семье

Шумских и событиях, что отправили княжну Агнияру Елизаровну в кому на тринадцать лет.

Женщина деликатно описывала прежнюю хозяйку тела и выговаривала ее неблагоприятные поступки. Но я и так догадалась, что характер у Агнияры был взрывной, мстительный. Близкой дружбы девушка ни с кем не водила, а родным оказалась не нужна, запятнав себя связью с темниками. Добровольно она с ними сотрудничала или нет уже не имело значения. Дара Агнияра лишилась за компанию с дедом, которого магия наказала за предательство собственной крови. В одно мгновение блестящее будущее княжны рухнуло, и от нее отвернулись все, с кем она тогда общалась. Быть может, кома стала ее спасением от позора и незавидной участи быть проданной отцом замуж за титул и деньги?

Тринадцать лет назад в империи вскрылся заговор, направленный против империи и старого императора. Орден Тьмы, паразитирующий на низменных человеческих качествах и практикующий жертвоприношения, проник в структуру власти и добрался даже до цесаревича. Нынешний император Иван Иванович Бельский вместе с супругой Ниной Константиновной приняли активное участие в уничтожении темников. Благодаря самоотверженности венценосной пары, тысячи людей избежали мучительной смерти на темных алтарях. С тех пор империя окрепла и превратилась в могущественное и прогрессивное государство.

— Я была магом?

С участью попаданки в мир, где история пошла по другому пути развития, я не смирилась. Я пыталась понять, есть ли шанс вернуться, и кто мне в этом поможет.

— Обратись к императрице, дочка, — посоветовала Матрена, заметив, как я убиваюсь о потере. — Покайся! Смиренно попроси прощения. Авось, она поможет вернуть магию, сердце у Нины Константиновны доброе.

Магию! — горько усмехнулась, опасаясь озвучить истинную причину слез, без спроса льющихся по щекам. — Мне бы жизнь преж-

нюю вернуть! Привычную, с электричеством и интернетом, родными и друзьями, салонами красоты и кафешками. Не скажу, чтобы хватала звезды с небес, но на судьбу не жаловалась. Мы с мамой жили в новой двушке в центре Воронежа. Мама занимала хорошую должность в строительной фирме, с деньгами проблем никогда не было. А я училась, как все, посещала развивающие кружки, понемногу занималась танцами и рисованием. Летом отдыхала в детских лагерях, а на осенних и зимних каникулах летала за границу. В старших классах женихи появились, учеба отошла на второй план. О будущем я не задумывалась и запустила школу. Мама хотела, чтобы я по ее стопам пошла на экономический, а мне скучные цифры были побоку. Даже поссорились из-за того, что я наотрез отказалась ей подчиняться. Она тогда заявила, что в будущем нужна профессия, которая меня прокормит. Вот я и подала документы в кулинарный колледж. Готовить я и раньше готовила, а тут сама не заметила, как увлеклась тортиками и выпечкой. Конечно, периодически я влипала в неприятности из-за рассеянности, но то, что выбранный однажды путь приведет в другой мир, в страшном сне не могла представить.

– Неужели, вашей императрице заняться нечем, как мои проблемы решать? – хмыкнула скептически.

– Дел у нашей заступницы полно, – степенно кивнула сиделка, – но для родни всегда время найдется. Всем известно, что семья для Нины Константиновны на первом месте.

– Так, то семья! А я ведь предательницей числюсь, – с горечью напомнила Матрене ее же слова.

Бывшая хозяйка тела натворила дел перед тем, как в беспамятство отправиться. А мне теперь разгребать ее проблемы.

Ответить на это бабушке было нечего. Факты – упрямая вещь. Но я и не настаивала. Мне бы в элементарных вещах разобраться. Как быт устроен, какие порядки в обществе приняты, как к попаданкам относятся? Насчет последнего я даже заикнуться не посмела. Насколько я поняла, Матрена – единственный человек, которому

не безразлична судьба Агнияры. Не хотелось расстраивать бабульку новостью, что ее драгоценная воспитанница давно умерла.

– Полно тебе, Ярушка! Какая же ты предательница? Сама завтра убедишься, как твоему возвращению домашние обрадуются, – заверила Матрена.

Мда, убедилась. Ближе к рассвету бабульку сморила усталость, а я задремала, растратив крохи сил на разговор. А с раннего утра в комнату наведались служанки. Видно, привыкли к тому, что Матрена постоянно находится возле моей кровати, вот и не обращали внимания на прикорнувшую в кресле женщину. Меня им даже в голову не пришло проверить.

– Ишь, разлеглась, немочь дохлая! – небрежно подвинула меня нахалка, плюхаясь на кровать. – Простыни ей через день меняй, пыль в горнице вытирай и чистоту наводи. Какая темной упырице разница, где лежать? По мне, скинуть бы ее в канаву, да и дело с концом! Что от нее толку?

– А тебе что за дело, Лукерья? – фыркнула вторая. – Жалованье князь исправно платит. Радовалась бы, что хозяйка такая досталась. Не кричит, не придирается, всем довольна. Давно тебя на скотном дворе не пороли?

– Уж лучше бы кричала и придиралась! – язвительно ответила первая служанка. – Я за мертвецами не нанималась ухаживать.

– Дурная ты! Никакая княжна не мертвая, – вступилась за меня девушка. – Сама же пульс щупала и зеркальце к губам подносила. А раз живая, то грех твой, что зла ей желаешь.

– Грех? – наигранно расхохоталась Лукерья. – Не смейся! Эта тварь с темниками якшалась. Тюремные казематы по гадине плачут. Кроме полоумной бабки, ни одна живая душа сокрушаться не будет, если княжна Шумская, наконец, сдохнет. Ее же извести – минутное дело. Прикрыть лицо подушкой, – кинула на меня названный предмет, – и подождать пару минут.

– Нельзя так! – возмутилась вторая служанка. – Не по-человечески это.